

Вадим Гребенников

ПЕРЛЮСТРАЦИЯ

Перехват информации

12+

Вадим Гребенников

**Перлюстрация.
Перехват информации**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гребенников В.

Перлюстрация. Перехват информации / В. Гребенников —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-0945-2

Появление негласного контроля какого-либо вида связи всегда связано с рождением этого вида связи. Так, несанкционированное вскрытие писем началось вместе с почтовой связью. Книга рассказывает историю рождения и развития спецслужб, занимающихся перлюстрацией почтовой переписки в странах Европы, США, Российской империи, СССР и Российской Федерации; создания и эволюции специальной техники оперативно-техническими службами этих стран для негласного вскрытия писем и контроля почтовых коммуникаций; описывает наиболее важные спецоперации по перехвату секретной корреспонденции.

ISBN 978-5-5321-0945-2

© Гребенников В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Предисловие	5
Часть 1. Западная история	7
1.1. Первые ЧК Европы	7
Германия	9
Голландия	10
Дания	10
1.2. Французский ЧК	12
1.3. Британский ЧК	20
1.4. Американский ЧК	23
1.5. Перлюстрация в Германии	29
1.7. Перлюстрация в США	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Предисловие

Книга написана в продолжении развития темы «перехвата» и дешифровки переписки противника, которая была изложена в предыдущих книгах по истории криптологии, стеганографии и специальных (секретных) видов связи.

Теперь детально рассмотрим тему именно «перехвата» специальными службами в процессе своей секретной деятельности такого вида коммуникации, как почтовая связь. Когда не было ни телефона, ни радиосвязи, «перехватывать» можно было только бумажные письма, что было названо перлюстрацией.

Перлюстрация (от лат. *perlustro* – обзираю) – вскрытие писем без ведома пишущих, возникшее в глубокой древности с началом почтовой переписки. Завладеть чужим почтовым отправлением (письмом, бандеролью, посылкой) можно:

- у отправителя (кража посредством контактеров или профессионалов, грубое разбойное нападение, изымание почты из ящика при оперативном визуальном наблюдении за объектом, разнотипные изъятия в почтовом отделении...);

- в пути (перехват либо подкуп курьера, силовой захват или угон почтовой автомашины...);

- у получателя (в местном отделении связи, путем подкупа почтальона; из почтового ящика, в ходе его постоянного просматривания; в доме у адресата, через его контактера...).

При скрытом извлечении информации из обычных запечатанных писем (т.е. перлюстрации их) применяются такие приемы как:

- мощное просвечивание и фотографирование письма без вскрытия конверта (чтобы читать полученные таким образом копии нужен некоторый навык, ибо строки выявляются частично перевернутыми и наложенными друг на друга);

- временное (секунд на 30) опрозрачивание конверта при обрызгивании его специальным спреем; · грубое вскрытие с последующей заменой поврежденного конверта и с фабрикацией имеющихся на оригинале печатей и подписей;

- ловкое вытягивание наверх на костяную спицу письма через маленькую щель в углу конверта;

- осторожное вскрытие и предельно осмотрительное запечатывание послания.

«Нежное» вскрытие конвертов издавна осуществляют с помощью изящных костяных инструментов и обычного водяного пара. В данном случае лучше употреблять плоскую подогреваемую снизу поверхность, на которой размещают увлажненную промокательную бумагу, выделяющую при последующем нагреве размягчающий клей пар. Поверх всего этого и кладут вскрываемое письмо.

В параллельном варианте увлажненные полоски промокательной бумаги или поролон возлагают только на заклеенные поверхности, а для создания пара прибегают к помощи обычного утюга. Проще всего, впрочем, воспользоваться струей пара исходящего из носика кипящего чайника.

Если подозревается, что отправитель употребил невидимые чернила, извлеченное послание тщательно размещают между двумя подвергшимися обработке горячим паром листками бумаги, и водворяют данный бутерброд под пресс с тем, чтобы часть задействованной химии перенеслась на копии-подложки, с которыми можно работать для выявления тайнописи.

Оригинал при этом внешне не меняется. Сняв информацию и скопировав письмо, конверт тщательно запечатывают, при помощи мягких ватных тампонов и прозрачного (но не силикатного!) клея.

Можно сформулировать 5 основных задач, которые стоят перед системой «перехвата» коммуникаций:

- контрразведывательная функция: наблюдение за перепиской и деятельностью иностранных дипломатов и иностранцев, борьба с иностранным шпионажем;
- выявление антиправительственной деятельности, обнаружение заговоров и различного рода тайных организаций;
- обнаружение различного рода служебных и экономических злоупотреблений: контрабанда, финансовые нарушения, коррупция; контроль за чиновниками всех уровней;
- изучение реальных настроений различных групп населения;
- обнаружение и изъятие запрещенной в стране литературы, пересылаемой по линиям коммуникаций.

Таким образом, можно сказать, что последние 4 задачи являются частью системы политического контроля. Сам политический контроль – это система регулярного сбора и анализа информации различными ветвями государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях экстремистских и антиправительственных групп и организаций.

Политический контроль всегда включает несколько основных элементов: сбор информации, ее оценку, принятие решений, учитывающих настроения общественных групп и призванных воздействовать в нужном для властей направлении, а также политический розыск и репрессии при наличии угрозы государству и обществу.

В современном мире при наличии огромного множества видов электронных коммуникаций их «перехват» является очень актуальной сферой деятельности спецслужб и состоятельных коммерческих организаций всех стран. Они получают в свое распоряжение огромное количество информации как о личной жизни граждан, так и многие детали их деятельности в коммерческой сфере и на государственной службе.

А теперь обо всем поподробнее...

Часть 1. Западная история

1.1. Первые ЧК Европы

Письма перлюстрировались со времён возникновения письменности. Вслед за возникновением организованных почтовых служб в Европе, к XVII веку появились и организованные службы перлюстрации с дешифровальными отделениями.

Фактически, в той или иной форме, службы перлюстрации и дешифровки переписки существовали и в тот момент, и позже, несмотря на существующие законы о тайне переписки.

Римский историк I века н.э. Квинт Курций Руф утверждал, что греческий царь Александр Македонский, заподозрив в заговоре некоторых лиц из своего окружения, прочитал перехваченное письмо полководца Пармениона к его сыновьям Никанору и Филоту. В результате Парменион и Филот были убиты.

Другой римский историк II-III веков, Юстин, пересказывая труд Помпея Трога, сообщает, что Александр Македонский, заметив недовольство воинов, предложил желающим написать письма на родину. Полученные связки писем он приказал тайно принести к нему. Те, кто написал о тяготах службы, были публично опозорены.

Если брать Средние века, известно, что перлюстрация в Европе существовала при Людовике XI (1423-83). Но создателем целой системы перлюстрации считают знаменитого кардинала Армана Жана дю Плесси Ришелье. В 1628 году он провел почтовую реформу, запретив пересылку писем в обход почты.

Одновременно по его приказу при Парижском почтамте появилась специальная комната для тайного просмотра пересылаемой корреспонденции. Так возникло выражение «черный кабинет» (далее – ЧК) – помещение, где проводилась перлюстрация писем (фр. Cabinet Noir). С середины XVII века подобные службы появились почти во всех европейских странах.

Главной особенностью перлюстрации было то, что она проводилась строго секретно и в нарушение официально существовавшего законодательства. Секретные инструкции для чиновников-перлюстраторов были важнее законов. Государство всегда официально отрицало существование перлюстрации, иначе она потеряла бы свой смысл. Поэтому перлюстрация и все, что было с ней связано, считались одной из важнейших государственных тайн.

Сам процесс вскрытия производился вначале с помощью небольшого костяного ножа, которым подрезывался удобный для вскрытия клапан письма (верхний, нижний или один из боковых). Позже вскрытие писем производилось паром. Для этого имелась своеобразная металлическая посуда, из которой через небольшое отверстие сверху бил горячей струей пар. Вода в посуде для постоянного кипения нагревалась сначала огнем, а затем электричеством.

Перлюстратор держал в левой руке письмо над отверстием сосуда так, чтобы струя пара расплавляла клей. Правой рукой с помощью длинной и толстой булавки (как для дамских шляп) он отгибал один из четырех клапанов письма. Этот клапан должен был представлять меньше затруднений для отклейки, т. е. его края были меньше заклеены марками или меньше задеты печатью.

В случае если письмо было запечатано большой печатью так, что нельзя было подрезать края печати, не испортив ее самой, то до его вскрытия приходилось приготовить такую же печать «один в один», чтобы ею после прочтения и заделки вновь запечатать письмо.

Надо отличать перлюстрацию от официальной военной цензуры. Последняя не является перлюстрацией в полной мере, так как вводится специальным публикуемым постановлением и не является секретом для населения. На корреспонденции ставится специальный штамп «Про-

верено военной цензурой», а в самом тексте при необходимости делаются «вымарывания» – закрашивания текста с запрещенным содержанием черным цветом.

Австрия

Австрийская секретная служба (нем. Geheime Kabinets-Kanzlei) была одним из наиболее эффективных ЧК в XVIII веке. Мешки с корреспонденцией, которая должна была доставляться утром иностранным посольствам, находящимся в Вене, в 7 часов утра ежедневно привозили в помещение ЧК.

Там письма аккуратно вскрывали, растапливая печати над свечой, отмечали порядок расположения страниц в конверте и передавали их помощнику директора. Он читал их и давал указания о снятии копий с самых важных документов. Длинные письма для экономии времени копировались под диктовку с использованием до 4-х стенографистов одновременно.

Если письмо было на незнакомом помощнику директора языке, он передавал его служащему кабинета, знавшему этот язык. Имелись переводчики со всех европейских языков, а когда появлялась потребность в новом языке, один из служащих получал задачу срочно выучить его. После копирования письма укладывались обратно в конверты, которые запечатывались при помощи поддельных печатей, и возвращались на почту не позже 9.30 утра.

Через полчаса в ЧК прибывала новая почта. Она обрабатывалась таким же образом, хотя и с меньшей поспешностью, поскольку была транзитной. Через Вену, находящуюся в центре Европы, шел огромный поток переписки между различными державами. Писали правители, дипломаты, военные, торговцы и т. д.

Как правило, эта корреспонденция возвращалась на почтовую станцию к 14-00, хотя иногда ее задерживали и до 19 часов. В 11 часов утра прибывали сообщения, перехваченные полицией. А в 16-00 курьеры привозили письма, которые отправляли иностранные дипломаты. Эти письма снова вливались в поток отправляемой из Вены почтовой корреспонденции к 18-30.

Скопированный материал попадал на стол директору ЧК, который отбирал особо интересную информацию и направлял ее заинтересованным лицам – руководству страны, министрам, дипломатам, военачальникам, полицейским чиновникам и т. п.

Таким образом, австрийский ЧК со штатом всего в 10 человек обрабатывал в среднем 100 писем ежедневно, обеспечивая сбор важной информации для всех ветвей государственной власти Австрии. При этом сотрудники венского ЧК работали крайне аккуратно, ошибки, когда вкладывали письма в чужие конверты, были крайне редки.

Но все же иногда случались, однажды перехваченное письмо для герцога Моденского было ошибочно опечатано очень похожей печатью правителя Пармы. Когда герцог заметил подлог, он отправил его в Парму с ироничной пометкой: «Не совсем мне, но и не вам». Оба государства заявили протест, но Вена отреагировала на него проявлением полнейшего неодобрения.

Тем не менее, многие представители зарубежных стран при австрийском дворе знали о существовании в Вене ЧК. Его наличие косвенно признали даже сами австрийцы. Когда британский посол с юмором пожаловался, что он получает копии вместо оригинальной корреспонденции, австрийский канцлер холодно заметил: «Как неловки эти люди!».

Перехваченная зашифрованная корреспонденция подвергалась криптоанализу. В нем австрийцы весьма преуспели. Успех был достигнут в том числе и за счет того, что сейчас бы назвали «научной организацией труда». Были разработаны «нормативные акты», регулирующие работу дешифровальщиков. Они имели следующие положения:

- не допускать переутомления сотрудников от интенсивной умственной нагрузки, за исключением чрезвычайных случаев; австрийские криптоаналитики одну неделю работали, а другую – отдыхали;
- необходимо материальное стимулирование успехов, хотя заработная плата сотрудников была невысокой, за вскрытие шифров выдавались значительные премии;

– предусмотреть денежную компенсацию дешифровальщикам за вынужденную безработицу, когда ключи некоторых шифров подолгу не менялись, и, вскрыв их, дешифровальщики оказывались в вынужденном простое.

Хорошую возможность взглянуть на достижения венского ЧК дают воспоминания барона Игнаца Коха, который руководил им в период 1749-63 годов. Например, 4 сентября 1751 года он послал австрийскому послу во Франции некую дешифрованную корреспонденцию, позволявшую, по его словам, «гораздо лучше понять основные политические принципы, которыми руководствуется правительственный кабинет во Франции».

А еще через 2 недели он написал: «Это восемнадцатый шифр, который мы вскрыли в течение года... К сожалению, нас считают чересчур способными в этом искусстве, и мысль о том, что мы можем вторгнуться в их корреспонденцию, побуждает иностранные дворы непрерывно менять ключи, иначе говоря, посылать каждый раз более трудные в смысле дешифрования сообщения».

К достижениям австрийской дешифровальной службы относится чтение шифрованной переписки множества зарубежных правителей, политических деятелей и дипломатов. Тем не менее, венский ЧК был закрыт в 1848 году.

Следующее упоминание о перлюстрации находим уже в 1913 году начальник военной контрразведки Австро-Венгрии полковник Альфред Редль. Но карьере любого, даже самого успешного агента, когда-то наступает конец. Провал хорошо законспирированного информатора случился, увы, из-за уловки, им же самим и придуманной.

Еще в начале своей контрразведывательной деятельности Редль создал в Вене ЧК для перлюстрации почтовой корреспонденции. Все письма из-за рубежа вскрывались и прочитывались, и в подозрительных случаях почтовый чиновник, получавший вознаграждение и из секретного фонда, при появлении адресата потайным звонком вызывал шпииков.

Так случилось и на венском почтамте с письмом на имя господина «Ницетаса». Почтовый чиновник нечаянно обнаружил, что в конверт было вложено 7 тысяч крон, причем отправление не было заявлено как ценное. Филеры, отправившиеся за «Ницетасом», сразу установили, что это никто иной, как... сам Редль.

Германия

ЧК в баварском городе Нюрнберге работал с 1680-х годов, времён войны Аугсбургской лиги, пытаясь проследить за французским влиянием на землях Священной Римской империи и в восточной Европе. Благодаря привилегированному и практически монопольному положению европейской почты «Турн-и-Таксис» (нем. von Thurn und Taxis) во многих государствах и особенности почтовых потоков внутри этой организации привели к возникновению ЧК в Нюрнберге.

Именно в этом городе поток почты «Турн-и-Таксис», шедший из Франции и Испанских Нидерландов, разделялся надвое: в северную и восточную Европу. В Нюрнберге вся эта почта вскрывалась и копировалась имперскими властями с полным содействием семейства Турн-и-Таксис.

В нижнесаксонском городе Целле, резиденции герцога Брауншвейг-Люнебургского, начиная с 1693 года весь идущий из Нюрнберга на север поток копировался уже без такого содействия в пользу английских и голландских друзей и союзников герцога. На жалобу, поданную при дворе Императора представителем Турн-и-Таксис, герцог отвечал, что вряд ли кто-либо может ожидать от него другого поведения в военное время.

Несмотря ни на что, французские дипломаты продолжали посылать письма через немецкие земли, будучи уверенными в непревзойденности французской шифровальной службы. Тем

не менее, 2 профессиональных криптоаналитика на службе Брауншвейга с возможной помощью Вильгельма Лейбница вскрыли немало из этих шифров.

Конец активной работе целльского, а вслед за ним и ганноверского ЧК был положен коммерческим вытеснением Турн-и-Таксис частными французскими и голландским почтовыми службами. Почтовое агентство Амстердама не пожелало делиться пересылаемой через него почтой с ЧК германских графств и герцогств, заявив, что это замедлит и удорожит доставку почты.

Голландия

То, в чём амстердамское почтовое агентство отказало немцам, оно предоставило великому пенсионарию Голландской республики. Возникновение голландского ЧК во времена войны за испанское наследство интересно как пример становления секретной организации под влиянием существования других.

В первые годы войны Голландская республика нередко перехватывала письма дипломатов и шпионов со своей территории. Для дешифровки таких писем голландцы обращались за помощью в ганноверский и британский ЧК. Когда значительный поток европейской дипломатической и коммерческой переписки сам пришёл в руки республики, для того чтобы быстро извлекать представляющую интерес для Республики информацию и самостоятельно распоряжаться ей, понадобилась и соответствующая служба.

Первые годы амстердамский почтмейстер со своими служащими копировали почту, а большая часть дешифровок выполнялась по-прежнему в Ганновере, но неоднозначные отношения между союзниками все больше смещали центр тяжести на ЧК в Гааге.

Особенностями Голландской республики, влияющими на работу ЧК, было особенно большое количество людей в стране, вовлечённых в принятие политических решений и состоящих в переписке по этому поводу, и частное управление почтовыми отделениями до 1750 года.

Дания

В Дании перлюстрация вошла в обиход во время датско-шведского противостояния конца XVII – начала XVIII веков. Датский ЧК интересовался почти исключительно дипломатической перепиской. Информации о внутривнутриполитических делах собиралась редко, в основном в ходе дворцовых интриг, и теми же способами, что применялись к иностранной корреспонденции.

Из-за неспособности справляться с дешифровкой посланий систематическая перлюстрация фактически заглохла к 1760 году. Это особо заметно на примере серий перехваченных писем, датируемых 1758 годом, в которых клерки ставили пометки «одна страница шифра» вместо того, чтобы хотя бы переписать шифровку.

Однако эра ЧК в Европе была недолгой. Бурные политические события, особенно середины XIX века, привели к ограничению абсолютной власти европейских монархов и их полицейских ведомств. Провозглашенные принципы свободы и равенства оказались несовместимы с политическим сыском и в частности с цензурой переписки (перлюстрацией корреспонденции).

В июне 1844 года волна протестов со стороны общественности по поводу перлюстрации писем вынудила британское правительство прекратить перехват дипломатической переписки. В Австрии и Франции двери ЧК закрылись в 1848 году.

Тем не менее, в условиях монархических режимов в Европе в XIX века и в начале XX века, при наличии острых конфликтов между ними, нарушение тайны переписки в тот период

было очень частым. Это не вызывало серьезного удивления у общественности, несмотря на официальное признание принципа соблюдения тайны переписки в Конвенциях созданного в 1874 году Всемирного Почтового Союза.

Стремление избежать перлюстрации корреспонденции приводило к созданию различных хитроумных способов защиты письма от вскрытия. В качестве примера можно привести запечатывание писем дипломатической почты в первой половине XX века.

В практике почтовой переписки использовались зеленые конверты из специального картона размером 41х26 см. На лицевой стороне обозначались печатным шрифтом отправитель и получатель. Картон, из которого изготавливался конверт, был специальным, особенности сгибов и структура материала делали невозможным тайное вскрытие такого конверта без повреждений.

Кроме того, на обратной стороне и на закрывающемся клапане имелись два небольших отверстия в бумажном слое. При запечатывании конверта эти отверстия закрывались, а через картон пропускался специальный шнур, который образовывал сложную геометрическую фигуру и завязывался особым узлом. Узел заливался сургучом, а на сургуч ставилась печать.

Получатель такого конверта сначала искал внешние признаки вскрытия, затем отделял клапан и через отверстие проверял шнурованную маркировку. Поэтому практически вскрыть такой пакет, не оставив при этом следов, было невозможно. Его можно было только заменить, при наличии точно таких же конвертов, специального шнура и печати.

1.2. Французский ЧК

В 1590 году французский король Генрих IV основал почтовую службу «Poste aux Lettres», которой была поставлена задача распечатывать, читать и повторно запечатывать письма, собирая информацию об умонастроениях нации. Осведомлённость публики о существовании подобной службы привела к использованию шифров в частной переписке, а это, в свою очередь, привело «Poste aux Lettres» к необходимости «взламывать» новосозданные системы шифров.

Но прежде всего осуществлялось вскрытие дипломатической переписки. Так, например, в конце XVI века французский король Генрих IV подписал с Испанией условия мира, которые активно затрагивали интересы Англии и, конечно, сохранялись в строжайшей тайне. Достать текст мирного франко-испанского договора англичанам удалось через венецианского посла Контарино. По его поручению испанского курьера, который вез почту с подписанным договором, напоили снотворным зельем и усыпили.

Однако текст договора находился в запаянной металлической трубке, на которой стояла печать (чем не современный контейнер для дипломатической почты!). Вскрыть трубку и не повредить печать оказалось крайне трудно. К тому же трубка-контейнер была внутри запечатанной сумки, которая крепилась цепью вокруг тела курьера. И всё же изъятие документа было осуществлено так искусно, что в Мадриде ничего не заметили.

После того, как в 1628 году молодой писец Антуан Россиньоль дешифровал письма гугенотов из осаждённой крепости Ла-Рошель, кардинал Ришелье назначает его начальником «Счетной Части» (фр. Cour des comptes) – дешифровального отделения. Россиньоль стал первым профессиональным криптоаналитиком Франции, а на смертном одре Людовик XIII назвал его «человеком, от которого зависит благополучие моих подданных».

Кардинал Ришелье уделял деятельности ЧК особое внимание. В 1628 году, когда Ришелье запретил пересылку писем в обход почты и приказал устроить в помещении парижского почтамта специальную комнату для тайного просмотра писем – ЧК. Сам Ришелье цинично называл эту операцию «размягчением сургуча». Детище кардинала Ришелье усовершенствовал король Людовик XIV, организовав полицейское политическое бюро.

Первые шаги на пути создания такой полицейской структуры были предприняты еще кардиналом Мазарини, который руководил секретно-агентурной службой с 1642 года. После его смерти в 1661 году тенью властью в государстве осуществлял финансист, экономист и политик Жан Батист Кольбер. Он был создателем ЧК во Франции.

Перед вскрытием письма с его печати с помощью специальной мягкой амальгамной пасты обязательно делался оттиск, чтобы впоследствии письмо снова можно было запечатать точно такой же печатью. О том, что письмо вскрывалось, догадаться было невозможно. Прежде, до Кольбера, строго соблюдался основной принцип: доставлять адресатам только письма, прошедшие тайную цензуру.

ЧК при Людовике XIV, согласно описанию современника, представлял собой «запрятанное в укромном месте и постоянно запираемое помещение, где стояло множество разнообразных стеллажей и ящиков, низеньких столиков и переносных пюпитров.

В шкатулках и футлярах хранились цветные чернила и перья, подушечки для черных и красных оттисков, изготовленные из специальной мастики или хлебной мякины, которые пропитывали связующей жидкостью, заготовки для штемпелей, с их помощью можно было зафиксировать и сохранить любую форму печати.

Кроме того, здесь лежали стопки облаток всевозможных цветов и размеров, наборы печатей любой мыслимой формы и исполнения и лак. В особых ящичках хранились острые ножи,

длинные лезвия и тончайшие стальные пластинки, конверты и почтовая бумага любого вида, любого цвета и любого формата на случай, если вдруг что-нибудь будет порвано.

Имелись разнообразные чернила и подушечки с почтовыми штемпелями со съёмными цифрами, небольшие горелки под тоненькими решетками, чтобы размягчить печать и расплавить лак.

Маленькие реторты и спиртовки использовались для того, чтобы под действием пара кипящей воды увлажнить резиновые крепления или облатки; как только такая печать достаточно отсыреет, надо было легонько поддеть ее тонюсенькой стальной палочкой – и она тут же отрывалась.

Для запечатывания письма использовали отпечаток, сохранившийся на хлебе, иной раз годилась и металлическая печать, но затем непременно покрывали тем лаком, который был строго идентичен прежнему. При запечатывании облатками надо было взять кусочек такого же цвета и размера, как в оригинале. Облатки были очень тонкие, и если манипуляция не вполне удавалась, прибегали к помощи обычного почтового штемпеля.

Здесь всегда хранились про запас разные химические жидкости, всевозможные клеящие вещества и красители, разнообразные нитки, веревочки для перевязывания, а помимо того неисчислимое множество разных вещей, чье предназначение показалось бы совсем непонятным для непосвященного. Одним словом, все это было скорее лабораторией, чем бюро».

Существует также версия, что первая служба под названием «Cabinet Noir» была организована в 1668 году военным министром Людовика XIV Франсуа Лавуа, и уже вслед за этим название стало применяться к разнообразным организациям, занимающимся перлюстрацией и дешифровкой корреспонденции.

Возглавляли работу «чёрного кабинета» Антуан Россиньоль и его сын Бонавентура. В царствование Людовика XIV слежка и почтовая цензура становятся частью возведённой в систему политической полиции. При новом короле местом работы Россиньоля становится тайная комната, прилегающая к кабинету короля в Версале. Отсюда шёл поток дешифрованных сообщений, в немалой степени определяющих политику Людовика.

Современники были хорошо осведомлены о существовании ЧК и поэтому из осторожности не касались в корреспонденции вопросов, составлявших государственную тайну. Об этом писал, например, герцог Сен-Симон в своих мемуарах, относящихся к концу XVII века.

Французский ЧК получил особое значение при Марк-Рене д'Аржансоне, который с 1697 года занимал пост генерал-лейтенанта полиции. Его правление совпало с последними, наиболее тяжёлыми для страны годами правления Людовика XIV, военными поражениями и продолжительными волнениями в Париже. В этих условиях д'Аржансон значительно расширил систему слежки.

При Людовике XV (1715-74) многочисленный штат чиновников, работавших под наблюдением главного директора почты Жанеля, снимал оттиски с сургучных печатей, водяным паром расплавлял сургуч, вынимал письма из конвертов и читал их, снимая копии с тех писем, которые, по мнению цензоров, могли заинтересовать или развлечь короля и маркизу де Помпадур.

К началу XVIII века ЧК еще вполне обходился 4-мя сотрудниками. Положение коренным образом изменилось с началом войны за испанское наследство. Теперь перед Францией встала задача установить тотальный неусыпный надзор и категорически пресекать любые происки своих политических противников. Одним из важнейших средств в этой борьбе, безусловно, являлся секретный надзор за почтой.

Создается сеть филиалов ЧК – в Испании, Нидерландах и Северной Италии – с целью перехвата и проверки всей корреспонденции, имеющей ценность в свете французской политики. Можно предположить, что именно благодаря этой мере, во всяком случае, в Испании,

Франция добилаь значительного, хотя и временного преимущества в области шпионажа. При Людовике XV уже ни одно письмо не могло ускользнуть от бдительных очей тайной цензуры.

Дело доходило до курьезов. Подданные короля, которые боялись открыто выступить с критикой порядков в государстве или обратиться непосредственно к его величеству, просто жаловались в письмах своим друзьям на различные злоупотребления. Таким образом, они с полным основанием могли рассчитывать, что об их жалобе будет непременно доложено королю. Придворный летописец сообщает:

«Людовик XV в искусстве дешифровки превзошел своих предшественников во многих аспектах, и прежде всего в своем презрении к тайне почтовой переписки. Короля развлекала эта чудовищная шпионская служба. Поэтому за годы его правления она была еще более расширена и усовершенствована... Это позволяло ему всегда быть в курсе любых интриг при дворе и в столице, что доставляло ему большое удовольствие».

Содержание ЧК обходилось в 50 тысяч ливров ежегодно, и эти деньги изымались из бюджета министерства иностранных дел. Самые высокопоставленные лица в государстве не могли быть уверены в том, что их письма не вскрывают и не прочитывают. Даже мать короля как-то пожаловалась.

«Не помогает даже то, что я запечатываю свои письма моей личной печатью, У них есть всякие средства, чтобы снять оттиск с печати, удалить воск, а потом, когда письмо прочитано и переписано, они снова его запечатывают так, что никогда и ни не догадаешься».

В техническом отношении в те времена французская почта значительно превосходила многие другие. Здесь постоянно открывались новые почтамты. В 1760 году в Париже отстраивается здание городского почтамта, ускоряется доставка почты, большое внимание уделяется улучшению дорог и усовершенствованию почтовых экипажей. Все эти технически важные достижения, разумеется, были чрезвычайно полезны и для деятельности ЧК.

В 1775 году Людовик XVI заявил, что частная переписка является неприкосновенной, и вознамерился было покончить с системой контроля за почтой. Однако придворные довольно быстро смогли убедить короля в том, что мудрость государственного деятеля несовместима со столь щепетильным отношением к тайнам почтовой переписки. ЧК продолжал функционировать и далее, сохраняясь и после Великой Французской Революции, и в Первой империи Наполеона I.

Когда разразилась революция 1789 года, ЧК поначалу продолжал работать, как ни в чем не бывало. Но вскоре общественность Франции потребовала от своих представителей повторного введения тайны почтовой переписки и строжайшего наказания любого почтового чиновника за нарушение этого принципа.

На заседании Конвента 25 июля 1789 года Максимилиан Робеспьер, защищая свои взгляды в полемике с Мирабо, заявил: «Конечно же, письма нельзя вскрывать, но если существует опасность для целой нации, если образуется заговор против ее свободы, тогда то, что обычно является преступлением, становится похвальным поступком. Поощрить заговорщиков – это предать народ».

Но год спустя Национальное собрание вычеркнуло из государственного бюджета расходы на ЧК. Один из депутатов выступил с требованием поместить всю почту, перехваченную с начала восстания в Париже, в надежное место с тем, чтобы по требованию Национального собрания можно было бы ее предъявить. По против этого предложения возвысил свой голос Мирабо: «Неужели для народа, желающего стать свободным, могут согдиться принципы и методы тирании?»

А 9 мая 1793 года Конвент, постановивший в 1791 года отказаться от цензуры переписки с враждебными Франции государствами, принял решение, вступающее в силу немедленно, по которому все письма, адресованные эмигрантам, должны быть вскрыты и прочитаны. ЧК был ликвидирован лишь в 1871 году, после падения Наполеона III.

С 1903 года контроль за иммиграцией и слежка за иностранцами во Франции в те годы были возложены на службу общей безопасности «Сюртэ генераль» (фр. Surete generale) Министерства внутренних дел и религии (далее – «Сюртэ»), если быть более точным – на 2-е бюро этого французского аналога петербургского Департамента полиции (далее – ДП).

Известно, что в марте 1904 года «Сюртэ» начала перехват корреспонденции японской дипломатической миссии в Париже. В бумагах французской полиции сохранился доклад с описанием организации и методов работы криптослужбы «Сюртэ». Он написан в форме воспоминаний руководителя службы Хаверна, который, в числе прочего, приводит сведения о том, как в 1904 году была организована координация работ дешифровщиков во французской полиции, армии и МИД.

Из доклада следует, что при содействии специалиста-криптолога майора Этьена Базери французам в общей сложности удалось перехватить и дешифровать около 1600 секретных японских депеш. Затем часть этих дешифрантов через руководителя службы протокола МИД Молларда передавалась министру Делькассэ, а также министру внутренних дел Рене Вальдек-Руссо, по указанию которого через И.Ф. Манасевича-Мануйлова они в итоге направлялись в союзный Парижу Петербург.

Тайный осведомитель, внедренный в миссию Японии в Гааге, добыл алфавитный дипломатический код, который затем был переведен на французский язык. С помощью этого кода «Сюртэ» успешно расшифровывала телеграммы японских дипломатов, предварительно организовав их перехват на парижском почтамте.

Затем дешифранты двигались по указанной выше цепочке, попадая в итоге через Мануйлова в Петербург без каких-либо изменений. Благодаря этому, Особый отдел российского ДП не имел нужды в создании собственной криптослужбы, в случае с японскими депешами из западноевропейских стран пользуясь результатами трудов своих французских коллег.

Летом 1905 года, в последние дни русско-японской войны и франко-немецкого кризиса в Марокко, Франция и её союзница Россия в течение короткого периода сотрудничали в области перехвата и дешифровки секретной информации. Так, в июне русский посол по указанию своего правительства передал французскому премьер-министру копию дешифрованной немецкой телеграммы, связанной с марокканским кризисом.

Для Франции эта телеграмма имела настолько большое значение, что «Сюртэ» получило указание передать иностранному отделу русской «охранки» всю японскую дипломатическую переписку, которую удалось перехватить и дешифровать в «Сюртэ».

Случилось так, что телеграммы, посланные Мануйловым и содержавшие дешифрованные японские документы, в свою очередь, были перехвачены и дешифрованы французским ЧК МИД. Не зная о том, что настоящие документы были переданы России по указанию премьер-министра, в МИД решили, что произошла серьёзная утечка информации в системе безопасности кодов и шифров, и отделу шифрования был отдан приказ прекратить все контакты с «Сюртэ».

В результате случайной ошибки, порожденной коротким периодом сотрудничества между французской и русской службами перехвата, ЧК МИД и «Сюртэ» в течение дальнейших 6 лет напряжённо работали абсолютно независимо друг от друга, иногда перехватывая и дешифруя те же дипломатические телеграммы. С того времени Россия и Франция ни разу не обменивались перехваченной информацией.

Перлюстрация писем помогла «Сюртэ» раскрыть немецкую шпионку Мата Хари (Маргарита Гертруда Маклеод). Вела она себя достаточно осторожно, и до 1916 года французская контрразведка не могла «поймать ее за руку». Поскольку круг ее «близких знакомых» был очень широк и, в основном, это были военные, то секретные сведения она, так сказать, получала «легально».

Среди ее поклонников и любовников были также дипломаты нейтральных стран, которые могли отправлять ее шпионские письма по дипломатической почте. «Сюртэ» пошла на нарушение закона и стала вскрывать дипломатическую почту ее возлюбленных – дипломатов. В результате в почте обнаружили достаточно веские материалы, чтобы привлечь ее к суду.

В дальнейшем, дело перлюстрации дипломатической почты продолжила «Служба 7» Управления разведки Службы внешнего осведомления и контрразведки «SDECE» (фр. *The Service de Documentation Extérieure et de Contre-Espionnage*,) Министерства вооруженных сил Франции. Об этом написал в своих мемуарах полковник Леруа-Фэнвилль, начальник этой службы в 1953-64 годах.

Он с большими подробностями описал напряженную атмосферу, в которой работали специалисты по самым разнообразным операциям тайного физического проникновения (далее – ТФП) в иностранные дипломатические почты, посольства, в том числе американское, как во Франции, так и в других государствах.

В задачу Леруа-Фэнвилля входило добывание секретной разведывательной информации всеми возможными техническими средствами. Речь шла о снабжении французского правительства секретными документами, которые можно было найти в «чужих» сейфах, иностранных дипломатических вализах или сумках, портфелях и дипломатах видных иностранных чиновников.

По утверждению автора, де Голль требовал от французских спецслужб считать все государства без исключения противниками, даже если с ними поддерживались дружественные отношения. В результате французская разведка не стеснялась проводить операции ТФП и по своим близким союзникам.

Так, в 1964 году, правда, уже по указанию другого президента – Валери Жискар д'Эстена – «Служба 7» проводила изъятие секретных материалов и вскрытие личного портфеля заместителя государственного секретаря Джорджа Болла. Это, кстати, позволило французам во время переговоров министров иностранных дел по «Кеннеди Раунд» в Каннах знать заранее позиции американцев.

Автор пишет, что существовавшая «Служба 7» была самой засекреченной. Ее рутинная работа состояла во вскрытии иностранных дипломатических почт, проходивших через аэропорт Орли, проверке содержания сейфов и других специальных хранилищ, то есть в проведении операций ТФП.

«Служба 7» действовала настолько широко и добывала такой большой объем секретных материалов, что ее знали как источник ценной и актуальной информации все министры французского правительства. Кстати, эта практика резко отличалась от того порядка, который соблюдался в наших спецслужбах, тщательно скрывавших ТФП как источник добывавшейся информации, а доступ к таким материалам был крайне ограничен. При этом они тщательно обезличивались, чтобы нельзя было определить их бывших собственников.

Сфера оперативной деятельности «Службы 7», так называемый «Фронт», как ее именует автор, – понятие многозначное, подвижное, включающее как четко обозначенные места и объекты ТФП, так и не поддающиеся определению. Это те места, где появляются, общаются, проживают постоянно или временно, работают, а также куда приезжают и откуда уезжают иностранцы.

Постоянными объектами «Фронта» являются иностранные посольства. «Мы пытаемся, – пишет автор, – проникать в них, перехватывать их курьеров, их коды и шифры, их сейфы».

«Фронт» охватывал также вокзалы, где бывают известные иностранцы, государственные лидеры, ученые, промышленники, профсоюзные деятели, а также агенты, способные перевозить в вализах и сумках или на себе секреты, которые интересовали правительство.

«Служба 7» широко использовала обслуживающий персонал гостиниц, аэропортов, пансионатов, привлекала его к производству негласных обысков с целью выявления наличия секретов в сейфах, личном багаже.

Во всех крупных гостиницах «Служба 7» имела спецгруппы в составе 3-х высококвалифицированных специалистов в области ТФП. Эти отели были «наводнены» их агентурой, в том числе сами управляющие гостиниц были связаны с ними. Специалисты при гостиницах имели опыт вскрытия замков на дверях и личных вещах, умели обращаться с сейфами и обрабатывать сложно упакованные пакеты с документами и вализы.

Автор описывает, как он организовал плотное наблюдение за известным американским профсоюзным деятелем Ирвингом Брауном, являвшимся агентом ЦРУ. Французы не раз проникали в его гостиничный номер в его отсутствие и фотографировали его документы, в то время как их люди сторожили у входа в гостиницу, в лифте, на лестницах, блокируя его возможное появление.

«Фронту» принадлежали все те номера в гостиницах, в которых обычно останавливались видные персоны, и их местопребывание и жилье являлось «избранной целью» службы. В сферу деятельности «Фронта» входили аэропорты всей страны, вокзалы, морские и речные порты, «Служба 7» тесно сотрудничала с авиакомпаниями и почтовиками. Вся эта деятельность значительно расширилась с начала 1950-х годов.

В конторах фрахтования судов, в таможенных пунктах и пунктах сортировки почты постоянно появлялись дипломатические курьеры, направляющиеся за границу, сдавались и принимались дипломатические вализы в виде герметически упакованных мешков и сумок. Они регулярно доставлялись туда представителями посольств и помещались в «безопасные» хранилища, где как раз и находились внедренные туда агенты «Службы 7».

Автор с гордостью хвалится, что создал уникальную организацию для обращения с дипломатическими курьерами и их багажом, которая функционировала автоматически.

«Служба 7» создала специальные лаборатории для обработки, вскрытия и запечатывания пакетов, вализ и прочего, оснащенные ультрасовременной аппаратурой, располагающие всевозможными средствами и ведущие разработку новых методов ТФП.

Специальные бригады, замаскированные под носильщиков, обслуживали специальные багажные камеры хранения, личный состав которых состоял из высококвалифицированных взломщиков, способных проникать в любые надежные хранилища и доставлять в лаборатории «Службы 7» нужный ей багаж.

Доставка такого багажа осуществлялась по строго разработанному графику, на основе точного хронометража пути, чтобы никакие случайности не могли помешать своевременной доставке багажа, и было достаточно времени для его обработки и возвращения на место хранения вовремя.

В лаборатории прежде всего исследовался внешний вид вализы, упаковки со всех сторон и со всех точек зрения (материал, метод упаковки и прочее). Каждая упаковка осматривалась через увеличительную линзу, фиксировались любые особенности, царапины, помятости, надломы, которые могли служить признаками, специально нанесенными для обеспечения безопасности упаковок.

По внешнему виду обычная вализа являлась мешком из прочной ткани, надежно упакованным шнуром из разных материалов. Два конца шнура образовывали первый узел, опечатанный пломбой. По выходе из пломбы оба конца снова завязывали во второй узел, такой же сложный, как и первый.

Затем оба конца шнура заделывались в своеобразный чехол, который скреплялся сургучной печатью. Эта часть упаковки точно определялась и заделывалась отправителем. Ясно, что наличие каких-либо отклонений в одном из узлов, в пломбе или концевом чехле могло

послужить подозрением со стороны владельца почты в возможном вскрытии ее посторонними лицами.

Как следствие, сразу же будет известно, с чем мог ознакомиться вскрывший «чужую» почту, что нарушало основной принцип ТФП. Для того чтобы избежать этого, каждый шаг специалистов, вскрывающих вализу, скрупулезно фотографировался и пленка тут же проявлялась, чтобы при обратной упаковке можно было сравнивать то, что получилось, с тем, как это было первоначально.

После вскрытия вализы начиналось очень осторожное извлечение ее содержания, также при фотографировании его внешнего вида. Любая мелочь, изменение положения документов в конвертах, новые изгибы на бумаге могли послужить признаком вскрытия.

Третья фаза ТФП – упаковка всего содержания и закрытие вализы. Постоянно осуществлялась сверка с фото, исследование под микроскопом получившихся печатей, чтобы не осталось на них ни одной ранее отсутствовавшей трещинки. И все это делалось в лихорадочном темпе, ибо время не ждало, при соблюдении полной тишины, чтобы ничем не отвлекать сконцентрированного до предела внимания специалистов на том, что они делали.

Лишь иногда звучала просьба-приказ дать иглу, нитку, сургуч и т.д. Можно было сказать, что при операции ТФП в дипломатическую вализу требовалась не меньшая, а может быть и большая точность движений и твердости руки, чем нейрохирургу при сложной операции на мозге человека.

В большинстве случаев закрытие и упаковка вализ проходила без проблем. Но случались и большие сложности, как, например, при «цесаревом сечении» внешних мешков-вализ.

Автор привел пример, когда однажды им попался мешок, не только упакованный шнурком, но еще запертый на висячий замок, не поддававшийся открытию. Вализа к тому же была без швов, цельной, и пришлось прибегнуть к разрезанию ее.

Вся сложность возникла при воссоздании разрезанной вализы. Потребовался самый высококвалифицированный мастер, который стал зашивать разрез под микроскопом и при ярком свете лампы, используя тончайшие иглы и протягивая ниточку за ниточкой так, чтобы от разреза не осталось никаких следов.

Это была «адская» работа, требовавшая неимоверного напряжения всего организма и нервов от исполнителя. Тем более что надо было не только делать все точно, но и достаточно быстро, чтобы успеть сдать почту туда, откуда она была изъята нелегально.

Нас может порадовать заключение автора о том, что русские дипломатические вализы «Службе 7» вскрывать не удавалось, так умело и изощренно они упаковывались. Тогда якобы на вализу нередко наносились следы вскрытия в качестве дезинформационного мероприятия, чтобы вынудить наши спецслужбы действовать, исходя из того, что содержимое их вализ могло стать известным противнику.

О том, что «Служба 7» проводила огромную работу в широких масштабах, говорят заявления автора. Начав с раскрытия по одной вализе в день, служба довела производительность до 20 вализ в один день только в Париже. Лаборатории службы имелись первоначально только в Париже, затем они возникли в других городах Франции, а потом и за границей.

Например, «Служба 7» активно работала в Касабланке, обрабатывая там американскую почту. При этом французы знали, что все важнейшие указания из США для американских дипломатов в Африке, доклады и документы посольств в африканских странах, которые могли интересовать правительство Франции, государственный департамент США посылал и получал через Марокко.

По итальянцам «Служба 7» работала в Алжире, по бельгийцам – в Киншасе. В Бельгии, где была организована одна из наиболее важных лабораторий, служба работала по всем, кроме бельгийцев. Активно использовались Женева, Бейрут, Ливия.

Автор собирался создать лабораторию и в США, вблизи ООН. При этом он вновь с гордостью заявляет, что хотя американцы в области ТФП работали так же активно, как «Служба 7», у них не было таких искусных «хирургов», способных вскрывать почти любые упаковки.

Интерес могут представить замечания автора о некоторых мерах безопасности, с которыми встречалась в своей работе «Служба 7». Например, Ватикан в своей дипломатической переписке использовал специальную бумагу, которая при дневном свете засвечивалась. Поэтому ватиканские вализы приходилось вскрывать в темноте, что увеличивало трудность этого процесса.

Часто специалисты обнаруживали небольшие металлические скобочки, заделанные скрытно в печатях. Некоторые владельцы почты помещали под печать на мешке-вализе или в пакетах с письмами сверхтонкие металлические волоски или крючочки, которые легко ломались, если открывающие упаковку не знали о положении такого крючочка. Подобные ловушки находили и внутри сургучных печатей.

Указом Президента Франции от 2 апреля 1982 года «SDECE» была реорганизована в Главное управление внешней безопасности «DGSE» (фр. Direction generale de la Securite exterieure) Министерства обороны. Одной из его задач является перехват и перлюстрация секретных документов иностранных государств, слежение за системами связи и дешифровка перехваченных сообщений.

1.3. Британский ЧК

В середине XVI века министр королевы Елизаветы сэра Френсис Уолсингем создал эффективную тайную разведку. Большое внимание он уделял дешифрованию перехваченных депеш. Дешифровальщик Томас Феллиппес сыграл роковую роль в судьбе шотландской королевы Марин Стюарт, соперницы Елизаветы по правам на британский престол.

В 1586 году, перехватив и дешифровав депеши Марии, в которых имелись сведения о заговоре против Елизаветы, Феллиппес почерком и шифром королевы Шотландии сделал приписку в одном из писем, из которой следовало, что она является организатором покушения на Елизавету, что и предредило казнь Марии Стюарт.

В конце XVI века французский король Генрих IV подписал с Испанией условия мира, которые сильно затрагивали интересы Англии, поэтому сохранялись в строжайшей тайне. Чтобы получить текст мирного франко-испанского договора, англичане использовали венецианского посла Контарино.

По его поручению испанского курьера, который вез почту с подписанным договором, «опоили каким-то зельем» и усыпили. Снять копию с текста договора оказалось не просто из-за сложной упаковки документа. Он находился в запаянной металлической трубке, на запайке которой была оттиснута печать. Вскрыть трубку, не повредив печать, было нельзя. К тому же трубка-контейнер находилась внутри опечатанной сумки, к которой была прикреплена цепь, обернутая вокруг тела курьера.

Изъятие документа было осуществлено так искусно, что в Мадриде ничего не заметили. Из этого примера видно, что любые ухищрения с защитой пересылаемых почт от проникновения в них не могли сделать их достаточно надежными. Кроме того, для их доставки требовались курьеры, которых также можно было перехватить любителям ознакомиться с содержанием доставляемых ими документов.

Настоящий английский ЧК появился, когда в 1655 году лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии Оливер Кромвель назначил Джона Терло, одного из организаторов секретной службы Парламента, Главным почтмейстером. Терло организовал при почтовой службе тайную канцелярию для перлюстрации писем.

В 1657 году непосредственно в акте об организации почтовой службы Кромвель указал, что она будет «лучшим средством раскрывать и предотвращать опасные и злокозненные заговоры против общественного благосостояния».

Терло перехватывал письма с такой неуклонностью, что почтовый мешок роялистов, казалось, предназначался именно для его канцелярии. Советник короля Карла II Хайд, находившийся во Франции, не подозревал, что Терло читал его переписку, как раскрытую книгу, и получал доклады о его секретнейших планах чуть ли не прежде, чем те были разработаны до конца.

Терло зависел от услуг знаменитого дешифровщика доктора Джона Уоллиса Оксфордского. Обычный просмотр почты роялистов без применения искусства Уоллиса был бы скорее грубой цензурой, чем тонкой шпионской операцией. Враги Кромвеля, обнаружив её, несомненно, встревожились бы и начали общаться иным способом. По-видимому, Уоллис умел расшифровать любой код или шифр, известный конспираторам той эпохи.

В XVIII веке британский ЧК не имел своего помещения и чёткой организации. Большинство сотрудников работали у себя дома, материалы пересылались посылными, а старший дешифровальщик не являлся начальником над остальными. ЧК прочитывал в среднем 2-3 зашифрованных письма в неделю. Его сотрудники успешно взламывали шифры Австрии, Турции, России, Франции и других государств.

Закон о почте 1711 года дал правительственным служащим право вскрывать любые письма на основании ордеров, которые они сами и выдавали. С этого времени государственный секретарь просто направлял в почтовое ведомство списки всех, чья переписка должна была перлюстрироваться. При этом один ордер мог включать сотни имён и иметь дополнительные требования вскрывать переписку не только поименованных персон, но также и их адресатов.

В 1733 году Антиох Кантемир, российский поэт и дипломат, будучи послом в Лондоне, сообщал в Петербург: «Обыкновенно всех чужестранных министров письма распечатывают и имеют искусных людей разбирать цыфири [шифры] на всяком языке». Сам Кантемир, чтобы сохранить тайну своих донесений, посылал нарочного из Лондона в Голландию отправить письма в Россию. Впоследствии, став послом во Франции, он отправлял свою почту через Брюссель.

С 1765 года ордера со списками дипломатов были заменены на общий ордер «вскрывать дипломатическую переписку». ЧК был засекречен и официально о его существовании знали не более 30 человек. Дешифрованная дипломатическая переписка доставлялась только королю и нескольким министрам, переписка глав оппозиции доставлялась государственному секретарю.

Известно, что автор одного из писем вложил в конверт несколько мелких зерен. До адресата послание дошло без них, что убедительно свидетельствовало в пользу того, что конверт по дороге вскрывали. Возмущенный автор письма обратился за защитой в парламент. Однако, как уже говорилось выше, несмотря на все протесты, британские спецслужбы продолжали вскрывать почту.

В 1847 году о существовании ЧК стало известно в ходе парламентского расследования скандального эпизода, связанного в перехвате и чтением почтовой переписки итальянского политического эмигранта Джузеппе Мадзини, который проживал в Лондоне. И ЧК был немедленно упразднен.

Тем не менее, активной работе британского ЧК в XIX веке продолжалась. Об этом свидетельствует переписка по этому вопросу идеологов коммунизма Карла Маркса и Фридриха Энгельса, живших в Великобритании в эмиграции. Маркс жил в Лондоне, а Энгельс в Манчестере, и интенсивная переписка между ними составляет несколько томов их сочинений.

Приведем соответствующие выдержки из их переписки 1852 года:

– Маркс Энгельсу 3 марта: «... Твой пакет для «Revolution» и «Tribune» был вскрыт, даже не дали себе труда снова заклеить его».

– Энгельс Марксу 24 сентября: «Посылаю тебе обратно конверт твоего письма полученного сегодня: по-видимому, была сделана неудавшаяся попытка вскрыть его».

– Маркс Энгельсу 27 октября: «Конверт, предыдущего письма, который ты прислал мне обратно, без сомнения, пытаюсь вскрыть. Но явно неловко и безрезультатно».

– Энгельс Марксу 27 октября: «... Твое сегодняшнее письмо ко мне вскрыто, судя по тому, что не все четыре угла конверта были хорошо запечатаны...».

– Маркс Энгельсу 25 октября: «Дорогой Энгельс! Насчет нашей переписки мы должны принять меры. Несомненно, что в Министерстве Дерби у нас есть компаньон по чтению наших писем. Поэтому я не могу писать тебе абсолютно ничего такого, что не считаю желательным довести в настоящий момент до сведения прусского правительства...».

Энгельс советовал Марксу посылать письма в конвертах от коммерческой почты и обеспечивал его для этого необходимыми материалами.

– Энгельс Марксу 28 октября: «Также прилагается коммерческая печать. Твоя старая вейдемеровская гербовая печать и неуклюжее, никуда не годится. Употребляй также и на письмах в Манчестер какую-нибудь шестипенсовую печать».

Время от времени посылай Шнейдеру заказные письма менее важные, чтобы ввести этих молодцов в заблуждение и заставить их думать, что мы отказались от посылки писем конспи-

ративным путем из-за отсутствия адресов. В том, что люди, адреса которых ты получишь вместе с этим письмом, доставят письма куда нужно, не может быть никакого сомнения».

Что касается прусской почты, то она не только вскрывала и конфисковывала письма Маркса, например, в период лечения Маркса в Карлсбаде в 1875 году, но даже в ряде случаев фальсифицировала эти письма, подделывая почерк Маркса.

В 1923 году начальником службы внешнеполитической разведки был назначен адмирал Хью Синклер. Под его руководством началось расширение аппарата внешнеполитической разведки, включавшее создание новых управлений, в частности, «N» – перлюстрации дипломатической почты.

В 1930-е годы для борьбы с немецкой агентурной сетью, которая постоянно расширялась, был создан Британский координационный комитет по безопасности во главе с опытным контрразведчиком Уильямом Сэмюэлем Стивенсоном.

Британцы организовали активное противодействие каналам связи немецких агентов в Новом Свете. С этой целью на Бермудских островах, своеобразной перевалочной базе транспортного потока из Америки в Европу, они создали резидентуру для контроля отмеченной корреспонденции. Главной ее задачей был контроль, досмотр и перлюстрация всей корреспонденции.

По воспоминаниям самого Стивенсона, багаж и почта рейсов «Pan-American» тщательным образом просматривались, пока шла дозаправка самолёта, а экипаж развлекался в яхт-клубе. Агенты британской контрразведки в бешеном темпе обследовали почту и багаж, а пассажиры слышали лишь извинения за вынужденные задержки по тем или иным причинам.

Наиболее творческими мастерами перлюстрации, естественно, были девушки – сотрудницы «MI5». В то время командировка на Бермуды считалась достаточно престижной. Но работать приходилось с 200-кратными микроскопами, исследуя все подозрительные точки и клаксы во вскрытых конвертах.

На первых порах поиски микроточек оказались неэффективными, и «MI5» решила на сотрудничество с ФБР. Для этого пришлось передать американцам секретные сведения о микроточке как средстве связи немецких агентов и способах её изготовления.

В свою очередь ФБР информировало британцев о подозрительных абонентах и корреспондентах, чью почту необходимо было взять под контроль в первую очередь. При этом британские офицеры предупредили американцев о соблюдении режима конфиденциальности, чтобы не раскрыть источник информации и чтобы немцы не догадались, что их секрет обнаружен.

1.4. Американский ЧК

За океаном, в Северной Америке, в XVIII веке не было ни «чёрных кабинетов», ни каких-либо криптослужб. Вместе с тем, известно, что американские делегаты во Франции и государственный секретарь во время скандального дела «Икс-Игрэк-Зэт» (англ. X-Y-Z) в 1737 году, связанного с вымогательством французскими должностными лицами денежных «подарков» от американцев, начали шифровать свою переписку.

В конце XVIII века началась война за независимость США (1775-83) между королевством Великобритании и роялистами (сторонниками британской короны) с одной стороны и революционерами 13 английских колоний (патриотами) с другой, которые провозгласили свою независимость от Великобритании, как самостоятельное союзное государство.

29 ноября 1775 года патриоты образовали такой государственный орган как Комитет для секретной корреспонденции с друзьями колоний в Великобритании, Ирландии и других частях мира. В конце 1777 года он был реорганизован в Комитет иностранных дел (с 1789 года – Госдепартамент) США.

Повстанцы как могли боролись с английскими шпионами, однако перехватывать криптограммы англичан им удавалось очень мало. И только когда война приближалась к своему завершению и было захвачено достаточное количество шифрованных сообщений, были организованы «разовые группы» по дешифровке.

В одну из таких групп входил будущий вице-президент США Элбридж Джерри. Главным направлением работы этих групп было выявление английских шпионов и дешифровка переписки английских войск. Большинство криптограмм было дешифровано Джеймсом Ловелем (1737-1814), которого можно по праву назвать «отцом» американского криптоанализа.

Осенью 1781 года американский командующий на юге Натаниэль Грин направил Конгрессу несколько перехваченных английских криптограмм, которые в его штабе никто не мог прочитать, добавив их к своему общему сообщению. Эта шифрованная английская корреспонденция оказалась перепиской между заместителем главнокомандующего английских войск в Америке Чарльзом Корнуолисом и его подчинёнными.

Сообщение Грина было зачитано в Конгрессе 17 сентября. Четырьмя днями позже Ловель расшифровал приложения к сообщению. К сожалению, из-за быстрого развития событий добытая им информация не принесла много пользы. Но найденные Ловелем ключи могли пригодиться когда-нибудь в будущем. В своих письмах Джорджу Вашингтону он написал: «Не исключено, что противник намеревается и дальше зашифровывать свою переписку... Если это так, то Ваше превосходительство, возможно, пожелает извлечь для себя пользу, дав вашему секретарю указание снять копию ключей и замечаний, которые я через Вас направляю...»

Из истории гражданской войны в США в XIX веке известен случай, когда подставленный южанам агент федералистов (северян) стал курьером мятежников, и вся почта, которую он привозил, вскрывалась и прочитывалась в Вашингтоне. При этом необходимо было пользоваться бумагой и печатями подлинных пакетов, и военное министерство федералистов ввозило из Великобритании бумагу, идентичную той, которой пользовалась агентура южан в Канаде.

Во время войны спецслужба федералов достигла достаточно серьёзных успехов. Так, в декабре 1863 года начальник почтового отделения Нью-Йорка Абрам Уэйкман, пересматривая корреспонденцию перед отправкой, наткнулся на письмо, адресованное Александру Кейту в город Галифакс в Новой Шотландии. О Кейте было известно, что тот часто переписывался с агентами Юга.

Поэтому, раскрыв конверт и установив, что письмо зашифровано, Уэйкман передал его военному министру. Дешифровщики президента Линкольна в течение 4-х часов прочитали шпионское зашифрованное письмо.

Два дня спустя была перехвачена и быстро дешифрована ещё одна криптограмма, адресованная Кейту. В ней говорилось: «Передай Мемминджеру, что у Хилтона все станки находятся в собранном виде и все матрицы будут готовы к отправке 1 января. Гравировка печатных форм превосходная».

Таким образом, из письма стало известно, что формы для печатания денег конфедератов изготавливались в Нью-Йорке. Гравёра Хилтона легко нашли в Манхеттене. 31 декабря 1863 года полицейские совершили налёт на его жилище, где захватили печатные станки и матрицы, а также уже напечатаны деньги на сумму в несколько миллионов долларов. Тем самым конфедерация утратила оборудование для изготовления бумажных денег, которых ей не хватало.

Всего за время войны Север передал приблизительно 6,5 миллионов телеграмм. Конфедераты осуществляли перехват их телеграфных сообщений, многие из которых, естественно, шифровались. Их кавалерия осуществляла налёты на пункты связи, что приводило к компрометации систем шифрования федералов и позволяло конфедератам получать ключи и информацию об открытых текстах, соответствующих известным шифрованным текстам.

Федералы также захватывали шифры Юга и осуществляли перехват курьеров с шифрованными сообщениями. Так, например, в 1863 году во время осады города Виксберга войска У.Гранта захватили восемь повстанцев и у одного из них нашли криптограмму.

В 1878 году впервые в истории США решающую роль в американской политике был вынужден сыграть криптоанализ. Всё началось с сенсационной статьи, напечатанной 7 октября газетой «The New York Tribune». В заметке, размещённой под заголовком «Перехваченные шифрованные телеграммы», приводился открытый текст нескольких криптограмм.

На сессии Конгресса, состоявшейся после выборов Президента, была назначена ещё одна специальная комиссия для расследования распространяемых демократами слухов о «покупке» республиканцами голосов избирателей. В ходе расследования комиссия конфисковала более 600 шифротелеграмм, посланных разными политическими деятелями и их доверенными лицами во время избирательной кампании в четырёх штатах. Остальные американская телеграфная компания «Вестерн Юнион» к тому времени уже успела уничтожить, чтобы показать, что гарантирует тайну доверенной ей переписки.

В 1875 году 27 шифротелеграмм были тайно переданы в прореспубликанскую газету «The New York Tribune» в надежде на то, что будучи дешифрованными, они поставят демократов в трудное положение. Интересно, что редактор газеты Уайтлоу Рэйд решил не ограничиваться публикацией шифротелеграмм своих политических противников. Он лично взялся за «раскрытие» шифропереписки демократов с целью предания огласке их открытых текстов.

В 1912 году в Госдепартаменте в качестве шифровальщика начал работать Герберт Ярдли (1889-1958), один из выдающихся американских криптоаналитиков. В начале своей карьеры Ярдли обратил внимание на слабость шифров, использовавшиеся американским правительством.

6 апреля 1917 года американский Конгресс объявил о вступлении США в Первую Мировую войну против Германии. А 28 апреля в составе Управления военной информации «MID» (англ. Military Information Division) Генштаба Военного Департамента (англ. War Department General Staff) была создана кабельно-телеграфная секция (англ. Cable and Telegraph Section), получившая кодовое название «MI-8» (англ. Military Information, Section 8).

«MI-8» перехватывала, раскрывала и читала зашифрованную дипломатическую переписку Аргентины, Бразилии, Германии, Испании, Коста-Рики, Кубы, Мексики, Панамы и Чили. Служба американской цензуры посылала в «MI-8» перехваченные шифрованные письма. Большинство из них оказывалось любовными посланиями, в которых применялись очень простые шифры.

Важнейшая из разработок «MI-8» привела к обвинению Лотара Витцке – единственного немецкого шпиона, приговорённого в США к смерти во время Первой Мировой войны. 25

января 1918 года при обыске в его багаже было обнаружено зашифрованное письмо, датированное 15 января. Оно попало в «МІ-8» только весной и пролежало там в течение еще нескольких месяцев, пока криптоаналитики безуспешно пытались его дешифровать. В конечном итоге это письмо удалось прочитать Менли, который и выяснил, что оно было послано немецким послом в Вашингтоне Эккардтом немецкому консулу в Мексике. Открытый текст письма был таким:

«Предъявитель сего является подданным Германской империи, который путешествует под именем Павла Ваберского. Он является немецким секретным агентом. Если он обратится к вам с просьбой, пожалуйста, обеспечьте ему защиту и окажите помощь. Также выдайте ему до тысячи песо золотом и посылайте его зашифрованные телеграммы в наше посольство в качестве официальных консульских депеш».

Когда Менли зачитал этот текст в зале суда на закрытом процессе по обвинению Витцке в шпионаже, сомнений в его виновности ни у кого не осталось. Шпион был приговорён к смерти через повешение. Однако Вильсон заменил смертный приговор пожизненным заключением. В 1923 году Витцке был помилован и выпущен на свободу.

9 февраля 1918 года «MID» было реорганизовано в Управление военной разведки (англ. Military Intelligence Division). В ноябре того же года «МІ-8» насчитывала 18 офицеров, 24 гражданских криптологов, 109 машинисток и стенографисток. Однако к маю следующего года её штатная численность сократилась до 15 офицеров, 7 гражданских криптологов и 55 технических служащих.

После участия Ярдли в 1919 году в Парижской мирной конференции в качестве главного криптолога американской делегации руководство разведки объявило о будущем свёртывании дешифровальной работы из-за потери её актуальности.

Ярдли категорически это отрицал и подготовил доклад под названием «Изучение и раскрытие кодов и шифров», в котором указывал, что Соединённые Штаты имеют достаточно врагов во всём мире, поэтому раскрытие их шифросистем позволит правительству заблаговременно получить информацию о возможных угрозах национальной безопасности.

Ярдли предлагал не прекращать эту работу, а реорганизовать «МІ-8» в криптослужбу мирного времени с двойным подчинением Государственному департаменту и Генштабу Военного департамента. Эта аргументация настолько поразила начальника разведки генерала Мальборо Черчилля, что он уговорил госсекретаря сохранить «Бюро шифров» и финансировать его работу из секретного фонда.

Это «Бюро шифров», позже ставшее известным как американский ЧК (англ. american black chamber) (далее – АЧК), должно было совместно финансироваться двумя департаментами на сумму приблизительно в 100 тысяч долларов в год, но её фактические расходы никогда не достигали этой суммы.

По закону платежи Госдепартамента, начавшие поступать в июне 1919 года, не могли быть на законных основаниях потрачены в пределах Вашингтона, и поэтому Ярдли вместе с подобранным из состава «МІ-8» персоналом АЧК вскоре переехал в Нью-Йорк. Военным департаментом АЧК был впервые профинансирован лишь 30 июня 1921 года. Первоначальный бюджет Бюро составил 45 тысяч долларов вместо запрошенных 96 тысяч, а к 1929 году снизился до 19630 долларов.

Конечным продуктом криптослужбы был бюллетень, посылавшийся в Отдел военной разведки и Госдепартамент, в котором указывались все факты, заслужившие внимания, естественно, без ссылок на истинное происхождение информации.

Все сообщения начинались стереотипно: «Из источников, которые заслуживают доверия, установлено, что». При этом никакого информационно-аналитического подразделения в «Бюро шифров» не было, материалы отбирал лично его руководитель, часто по субъективным признакам.

В 1920 году Ярдли доложил о раскрытии 4-х японских кодов, но это утверждение было не полностью корректным, поскольку раскрытые системы были не кодами, а шифрами, причём достаточно невысокого уровня стойкости. Однако вскоре после этого «Бюро шифров» действительно достигло выдающихся успехов.

Всего с 1917 по 1929 годы американцы сумели прочитать 10 тысяч японских текстов, 1600 из которых относились к Вашингтонской конференции. Это было очень высоким показателем, особенно с учётом острого недостатка сотрудников со знанием языка.

Летом 1921 года АЧК прочитал японскую шифротелеграмму от 5 июля, направленную в Токио послом Японии в Лондоне и содержала первые упоминания о конференции по разоружению, которая должна была состояться в ноябре в Вашингтоне. После этого чтение японской дипломатической шифропереписки стало настолько регулярным, что за несколько месяцев до открытия конференции были введены ежедневные поездки курьеров между АЧК и Госдепартаментом.

Целью Вашингтонской конференции по разоружению было ограничение тоннажа больших военных кораблей. По мере того, как переговоры приближались к своему главному результату – договору пяти держав, устанавливавшему определённое соотношение тоннажа для Англии, Италии, США, Франции и Японии, персонал Ярдли читал всё большее количество секретных шифрованных инструкций, которые предназначались для стран, принимавших участие в переговорах.

Он писал: «Американский чёрный кабинет, глубоко спрятанный за надёжными запорами, всё видит и всё слышит. Хотя ставни закрыты и окна тщательно зашторены, его зоркие глаза видят, что творится на секретных совещаниях в Вашингтоне, Женеве, Лондоне, Париже, Риме и Токио. Его чуткие уши слышат даже самые слабые шёпоты в столицах иностранных государств».

В прочитанной АЧК шифротелеграмме японская делегация на переговорах в Вашингтоне получила инструкцию из Токио о том, что необходимо принять соотношение, предложенное США. В итоге договор, подписанный пятью государствами, установил для США и Японии соотношения тоннажа больших военных кораблей в размере 10 к 6. Японцы надеялись на большее. Однако добиться желаемого им помешал АЧК.

За время проведения конференции в АЧК было прочитано и переведено более 5 тысяч шифросообщений. В результате перенапряжения несколько его сотрудников заболели на нервной почве и были вынуждены уйти с работы. Сам Ярдли также оказался на грани нервного расстройства и в феврале 1922 года получил 4-хмесячный отпуск для восстановления своего здоровья.

Кроме состояния здоровья сотрудников, предметом постоянного беспокойства со стороны государства стало также обеспечение безопасности функционирования АЧК. Его почта отправлялась на подставной адрес. Фамилия Ярдли не значилась в телефонном справочнике города Нью-Йорк. Замки на дверях менялись очень часто.

Однако сведения о деятельности АЧК всё-таки просочились за границу, потому что была осуществлена попытка подкупить Ярдли. Когда она провалилась, на служебное помещение АЧК было сделано нападение, после которого из столов исчезли важные документы.

Чтобы не допустить новую пропажу, были приняты дополнительные меры по безопасности. Теперь каждый лист бумаги закрывался на ночь в сейф, чтобы ничего не оставалось в столах, хотя сотрудникам АЧК всё-таки позволялось брать домой материалы, над раскрытием которых они работали.

Через какое-то время Ярдли вместе со своими подчинёнными переехал в другое служебное здание. В качестве надёжного прикрытия для них была создана «Компания по составлению кодов» (англ. Code Compilation Company). А, чтобы «легенда» выглядела полностью правдо-

подобной, Ярдли составил «Общий торговый код», которым компания стала торговать вместе с другими распространёнными коммерческими кодами.

В 1924 году ассигнования АЧК были резко сокращены. В результате Ярдли пришлось уволить половину персонала, и штат сотрудников АЧК сократился приблизительно до 12 человек.

Однако, несмотря на это, по словам Ярдли, «в 1917-1929 годах АЧК удалось прочесть более 45 тысяч шифротелеграмм Англии, Аргентины, Бразилии, Германии, Доминиканской Республики, Испании, Китая, Коста-Рики, Кубы, Либерии, Мексики, Никарагуа, Панамы, Перу, Сальвадора, Советского Союза, Франции, Чили и Японии, а также провести предварительный анализ многих других кодов, включая коды Ватикана».

В 1929 году плодотворной деятельности АЧК неожиданно пришёл конец. Дело в том, что к Ярдли тексты иностранных шифротелеграмм поступали от американских телеграфных компаний, которые передавали их ему с большим нежеланием. Когда должность Президента США занял Герберт Гувер, Ярдли решил урегулировать вопрос о шифроперехватах с новым правительством раз и навсегда.

Он задумал сделать доклад непосредственно Президенту с изложением характера деятельности АЧК, а также необходимых первоочередных шагов, если правительство США желает результативно использовать мастерство своих криптоаналитиков.

После того как Генри Стимсон, госсекретарь при Гувере, пробыл на своей должности несколько месяцев, что, как считал Ярдли, было необходимо для приобретения некоторого опыта практической дипломатии, АЧК направил ему серию важных дешифрованных криптограмм.

Однако в отличие от прежних госсекретарей, на которых эта тактика всегда оказывала надлежащее влияние, Стимсон, узнав о существовании АЧК, возмутился и сурово осудил его деятельность. Он обозвал её «подлой разновидностью шпионского ремесла» и расценил как вероломное нарушение принципа взаимного доверия, которого он неуклонно придерживался как в своих личных делах, так и в своей внешней политике.

Всё сказанное Стимсоном было справедливым, если, конечно, отбросить точку зрения, в соответствии с которой любые средства оправданы, когда они полезны для интересов родины. Свершив акт морального мужества и прекратив всякую финансовую поддержку АЧК со стороны Госдепартамента, Стимсон тем самым утверждал верховенство принципа над интересами.

Поскольку деньги, которые выделялись Госдепартаментом, составляли главный источник содержания АЧК, это означало его неминуемое закрытие. Неизрасходованные 6666 долларов и 66 центов, а также все архивы АЧК были переданы армейской службе связи.

Его сотрудники быстро разбрались кто куда (служить в армию никто из них не пошёл), и 31 октября 1929 года АЧК (MI-8) перестал существовать. 10 лет его дешифровальной работы обошлись американской казне в 300 тысяч долларов, при этом Госдепартамент предоставил две трети этой суммы, а Военный – одну треть.

Ярдли не смог подыскать себе работу и вернулся домой, в родной Уоррингтон. Там он написал книгу «The American Black Chamber» на 375 страницах, которая была издана 1 июня 1931 года. В книге была изложена история американской радиотехнической разведки и деятельности «MI-8» во время Первой Мировой войны, а также АЧК в 1920-х годах и проиллюстрированы основные принципы радиоразведки. Эта книга сразу же стала популярной.

Критика пришла к выводу, что это был «самый сенсационный вклад в тайную историю войны, а также послевоенного периода, который до сих пор не написана американцем». В США сразу же было продано 17931 экземпляр книги, 5480 – в Великобритании, она была переведена на французский, шведский, японский и китайский языки.

Японское издание вышло беспрецедентным тиражом в 33119 экземпляров. Эта книга была неприятным сюрпризом для правительства США и скомпрометировала ряд источников, использованных Ярдли. Благодаря этой работе 19 стран было предупреждено, что их коды были «взломаны».

В 1933 году были внесены поправки в Закон о шпионаже 1917 года, в соответствии с которыми было запрещено раскрытие иностранных шифров и шифрованных сообщений. Вторая книга Ярдли «Японские дипломатические коды, 1921-1922» была арестована и никогда не публиковалась, а рукопись была рассекречена только в 1979 году.

1.5. Перлюстрация в Германии

27 сентября 1950 года в Федеративной республике Германии (далее – ФРГ) была создана контрразведывательная спецслужба – Федеральное управление по защите Конституции «BFV» (нем. Bundesamt für Verfassungsschutz), которое обеспечивало функционирование систем секретной связи и информации.

В 1955 году в ФРГ была создана Федеральная разведывательная спецслужба «BND» (нем. Bundesnachrichtendienst), которая обеспечивала получение информации с каналов связи с помощью технических средств.

В апреле 1950 года в Германской демократической республике (далее – ГДР) было создано Министерство государственной безопасности (нем. Ministerium für Staatssicherheit), сокращённо – «Штази» (нем. Stasi). К середине 1952 года «Stasi» фактически управлялась исключительно советскими генералами и офицерами. Её структура и деятельность с самого начала были построены также, как и в КГБ СССР.

Были в «Stasi» и свои «почтальоны» – сотрудники отдела «М» МГБ, закрепленные за каждым почтальоном в ГДР, – в чью обязанность входила тайная перлюстрация писем, приходивших с Запада или адресованных туда. В 1950-х годах основной задачей отдела «М» был поиск писем с критикой на ГДР, составление отчетов об общественных настроениях и поиск «наводок» на попытки бегства из страны.

Уже с начала 1960-х годов «Stasi» интенсивно разыскивала шпионов с помощью почтового контроля. Каждая посылка рентгеноскопировалась. Подозрительные письма подвергались химической обработке на предмет выявления стеганографических сообщений. Искли также шпионские микроточки, спрятанные под марками или полями конвертов.

Ежедневно 2 тысячи сотрудников отдела «М» вскрывали примерно по 60 тысяч бандеролей и 90 тысяч писем. В том числе письма, адресованные партиям или министерствам на Западе, или письма от людей с Востока, за которыми была установлена слежка.

Особенно интересовали «Stasi» заказные письма с Запада. В них часто были деньги. Только на протяжении 1984-89 годов было конфисковано 32 миллиона западногерманских марок. Однако часть денег сознательно пропускалась, чтобы западные немцы и дальше посылали валюту своим родственникам.

Предпосылкой к облегчению почтового контроля стало, в частности, введение в 1961 году в ФРГ цифровых почтовых индексов. Почти в то же время контрразведка выяснила, что западные спецслужбы после постройки Берлинской стены перевели свои агентурные контакты на использование почтовой переписки с помощью стеганографии, интенсивно пользуясь невидимыми чернилами.

Поэтому главной задачей стал поиск стеганографических сообщений, написанных симпатическими чернилами между строк безобидного почтового письма. В принципе этот способ бесконтактной связи между оперативниками «BND» и их агентами в ГДР был известен «Stasi» еще с середины 1950-х годов.

Но в 1964 году дополнительно к отделу «М» внутри 2-го главного отдела (контрразведка) МГБ был создан специальный отдел «б». Он анализировал все известные госбезопасности методы использования противником почтовой связи и создавал на их основе таблицы-модели с образцами для поиска подобных признаков. Основным смыслом поиска было точное распознавание метода агентурной связи между источниками и их «кураторами».

После того, как отдел «б» 2-го главного отдела МГБ с 1978 года стал заниматься политической и экономической контрразведкой, его задачи были возложены на отдел «5» 2-го главного отдела МГБ. Оба подразделения тесно сотрудничали с 6-м главным отделом (паспортный контроль) и отделом «М» (перлюстрация) МГБ.

В «BND», очевидно, не догадывались, что методы работы 2-го главного отдела (контрразведка) МГБ по контролю почтовой связи достигли уровня точной науки, и госбезопасности удалось во многом проникнуть в тайны агентурной почтовой переписки.

При этом «BND» проявляла излишнюю беспечность, когда ее агенты отправляли свои написанные невидимыми чернилами сообщения на одни те же адреса в Баварии, Баден-Вюртемберге, Нижней Саксонии и в Западном Берлине. Их количество было невелико, и когда на эти адреса «прикрытия» приходило слишком много писем, это вызывало подозрение у контрразведчиков отдела «М», предполагавших шпионскую переписку.

Поскольку стеганографические донесения, как правило, вписывались между строк заранее подготовленных безобидных писем, то 2-й главный отдел вскоре завел у себя центральную картотеку почерков, и специалисты по почеркам вскоре смогли идентифицировать в заранее подготовленных текстах по почерку признаки определенных авторов писем из «BND».

Хотя отдел «М» и его филиалы в окружных управлениях МГБ после 1961 года значительно расширили систему почтового контроля и перлюстрации писем, но в важной децентрализованной работе контрразведывательного направления в округах только в 1984 году отделы «М» окружных управлений были подчинены руководителям 2-х отделов.

«BFV» и «BND» также осуществляют слежку за своими гражданами в интересах США при содействии и непосредственном участии АНБ. Разработанная американцами программа «X-Keyscore» позволяет им ежемесячно получать данные о 500-х миллионах контактов немецких граждан, включая переписку в интернет-чатах, электронную почту, а также телефонные звонки и «SMS»-сообщения.

Полицейские сегодня пользуются уже довольно большим инструментарием в разведывательной области. Сюда входит использование технических средств для перехвата мобильной и электронной почты.

«BFV» для выяснения местонахождения мобильного телефона получило принципиальное разрешение использовать устройство под названием «IMSI-Catcher» – уловитель «IMSI» (англ. International Mobile Subscriber Identity) для выяснения номеров карты «SIM» (англ. Subscriber Identity Module) и телефона и на основе этой информации.

«IMSI-Catcher» позволяет выяснить идентификацию включенного мобильного телефона в зоне действия сети. Идентификация «IMSI» зафиксирована на модуле карты «SIM», которую абонент мобильной связи получает при заключении договора на услуги связи.

С помощью «IMSI» можно не только идентифицировать личность абонента, но и определить номер его мобильного телефона. Для того, чтобы узнать «IMSI» прибор «IMSI-Catcher» симулирует базовую станцию ячейки «радиосот» сети мобильной связи. Включенные «мобилки» в сфере действия этой симулированной базовой станции с картой «SIM» симулированного владельца сети автоматически саморегистрируются на «IMSI-Catcher».

Согласно статьи 10 Основного закона (Конституции) Германии тайна почтовой переписки и прочей связи является неприкосновенной. Ограничения этой неприкосновенности могут, естественно, быть введены только на основании закона. Это и произошло с помощью так называемого Закона «G-10» (назван так по номеру статьи Основного закона).

Если мероприятие направлено против отдельного подозреваемого и включает круг его общения, оно определяется как «ограничение в отдельном случае» или «индивидуальный контроль». Ограничение основных прав отдельного лица предусматривает наличие серьезных подозрений, что данное лицо планирует, совершает или уже совершило одно из преступлений, указанных в «каталоге преступлений», содержащемся в законе «G-10».

Кроме того, возможны «стратегические ограничения» тайны почтовой связи. Стратегический контроль означает, что контролируются не почта отдельного лица, а коммуникационные линии вообще. Из огромного количества перехваченных разговоров вылавливаются

отдельные на основе специфических признаков (например, ключевых слов) и подвергаются анализу.

В своем «постановлении» федеральный министр внутренних дел определяет, в каких сферах может происходить наблюдение и какими областями связи оно ограничивается. Это постановление должно быть одобрено контрольной комиссией Федерального собрания «Bundestag» (нем. Bund – федерация, Tag – собрание). В пределах дозволенных этой комиссией рамок федеральный министр может дать приказ на осуществление контроля. Решение о необходимости и позволительности данного приказа, включая использование критериев поиска, принимает комиссия «G-10» парламента.

Для хранения в памяти персональных данных в случае разного рода запросов спецслужбы пользуются объединенной системой хранения разведывательной информации «NADIS» (нем. Nachrichtendienstliches Informationssystem). «NADIS» – это связка баз данных «BFV», Земельных ведомств по охране конституции «LfV» (нем. Landesamter für Verfassungsschutz) и отдела государственной безопасности Федерального уголовного ведомства «ВКА» (нем. Bundeskriminalamt).

Эта система позволяет всем подключенным участникам прямое ведение и поиск данных в режиме «он-лайн». «BND» и «MAD» тоже участвуют в пользовании системой «NADIS». В базу данных вносятся лица с «устремлениями, направленными против основ свободно-демократического общественного строя», или в случае с «MAD» – персонифицированные данные военнообязанных.

«NADIS» – это система ссылок на досье с делами. «Сердцем» системы является центральная картотека персональных данных, в которой собраны личные данные и ссылки на соответствующие досье.

Это не система, которая содержит важную информацию по самим делам, а автоматизированное вспомогательное средство для поиска нужных дел (картотека ссылок). Она показывает номер дела соответствующих досье, которые имеются в наличии и для лучшей ориентации содержит персональные данные лица, на которое дан запрос – имя, фамилию, дату и место рождения, гражданство и адрес.

Хотя это и облегчает поиск информации, но если одному из участников «NADIS» требуется сама информация из досье, которая выходит за пределы внесенных в компьютеры личных данных, ему придется идти самым обычным путем – подать письменный запрос по официальным каналам в учреждение, ведущее и хранящее дело. Потому система только в ограниченном виде помогает при расследованиях. Помочь при оценке собранных данных она никак не может.

Если данные о человеке хранятся в системе «NADIS», это вовсе не означает, что он экстремист, террорист или вражеский шпион. Большая часть данных – сведения о людях, которым угрожали организации, применяющие насильственные методы, которые могут представлять конкретный интерес для иностранных разведок и лица, прошедшие проверку безопасности для получения какого-либо допуска.

Неприятные чувства, которые вызывает существование этой информационной системы у общественности, можно в какой-то степени, понять, но они в большой степени неоправданны. «NADIS» – не картотека подозрительных лиц. Если человека вносят в ее базу данных, это не влечет за собой никаких дискриминирующих последствий. На самом деле, по самой своей концепции и своему составу «NADIS» не может ни сделать человека «прозрачным», ни гарантировать «контроль над гражданами».

В начале 2003 года в «NADIS» хранилось 942 350 персонифицированных данных. Из них 520 390 внесенных файлов (52,2 %) представляли собой данные на лиц, прошедших проверку безопасности для допуска в государственные учреждения на федеральном и земельном уровнях, имеющие отношения к вопросам безопасности. В начале 2002 года в системе хранились данные на почти миллион человек.

21 октября 2016 года «Bundestag» принял закон, который предусматривает значительное расширение полномочий разведки «BND». Теперь она сможет следить не только за иностранцами, но и за жителями своей страны. Служба была лишена такого права в середине прошлого века, когда была одержана победа над нацистами.

Предусмотрено и увеличение масштаба контроля коммуникаций. Раньше «BND» имела право собирать лишь 20% трафика одного из крупных интернет-каналов, теперь же она сможет прослушивать 100% трафика всех интернет-каналов.

Прежде спецслужбы могли контролировать граждан только в 8 целях, среди которых борьба с терроризмом, киберпреступность и незаконная торговля людьми. Закон расширил цели, к примеру, прослушивать граждан Германии с целью сбора сведений внешнеполитического значения. Помимо сбора данных, полномочия «BND» расширены и в вопросах сбора метаданных телефонов.

Поводом для проверки сообщений теперь могут стать не чёткие формулировки о подозрениях в терроризме и т. д., а размытые определения о сведениях, «имеющих значение с точки зрения политики безопасности». Критики считают, что это позволит прослушивать практически любого.

Помимо сбора данных, документ предусматривает, расширение полномочий «BND» и в вопросах сбора метаданных (например, кто с кем говорил, когда и как долго, с какого именно телефона и где в этот момент находился). Теперь для этого не понадобится иметь какие-либо основания – в категорию потенциально прослушиваемых попадут все, кого «нельзя однозначно идентифицировать как граждан Германии».

1.6.

Перлюстрация в Чехословакии

После Второй Мировой войны международная почта заработала вновь, чем сразу воспользовались спецслужбы, «заточенные» под задачи «холодной войны». В то время перлюстрация включала в себя различные виды проверки всех типов почтовых отправок: писем, открыток, бандеролей и посылок.

Перлюстрация планировалась, организовывалась и проводилась как в отношении конкретных лиц, так и организаций, подозреваемых в антигосударственной деятельности. Перлюстрация помогала спецслужбам в определении настроений и сборе слухов конкретных слоев общества. С помощью перлюстрации можно было определить подготовку каких-либо антиправительственных выступлений, митингов, демонстраций и массовых манифестаций.

В конце 1940-х годов перлюстрация скромно именовалась «целевой проверкой корреспонденции». Инструкции того времени позволяли организовать проверку корреспонденции какого-либо адресата на срок не более 1,5 месяца, а в отношении зарубежного адреса – до 2-х месяцев. В последующие годы этот срок уже составлял до 6 месяцев, что было связано с увеличением штата подразделений перлюстрации.

Постоянной задачей перлюстрации была «выборочная проверка», которая давала высшему руководству страны и правительству возможность знать о настроениях общества, чувствовать мнение населения по наиболее актуальным вопросам жизни и политики. Так, например, в 1951 году контрразведка Чехословацкой республики (далее – ЧСР) провела анализ результатов перлюстрации корреспонденции, который показал:

- умеренную критику населением повышения цен на некоторые виды потребительских товаров;
- опасения дальнейшего роста цен и призывы делать запасы продуктов;
- опасения выселения военных пенсионеров из столицы;
- слухи об эпидемиях гриппа в крупном районе страны;
- страхи населения перед третьей мировой войной и др.

Под перлюстрацию не попадала корреспонденция Президента страны, членов правительства, центрального аппарата и периферийных органов коммунистической партии, а также депутатов Национального собрания ЧСР.

Сотрудники подразделений перлюстрации в 1950-е годы работали в почтовых отделениях под «прикрытием» обычных почтовых служащих и сотрудников отдела валютного контроля Министерства финансов ЧСР. Когда работы было много, офицеры госбезопасности привлекали для перлюстрации свою агентуру из числа опытных сотрудников службы почты.

Краевые и областные подразделения чехословацкой госбезопасности размещали пункты перлюстрации как внутри почтовых отделений, так и в помещениях службы охраны и безопасности Министерства железнодорожного транспорта, на пунктах гражданской обороны.

Служба перлюстрации могла маскироваться под небольшие военные учреждения, а также «прятаться» внутри областных управлений связи. В 1950-е годы основными задачами службы перлюстрации ЧСР были:

- поиск и документирование связи граждан страны с иностранными спецслужбами и разведками;
- контроль, изъятие, оценка и документирование почтового отправления лиц и адресов по заданиям разведки, контрразведки согласно постановлению судов и во время расследования уголовных дел;
- обеспечение (помощь) оперативной связи служб разведки и контрразведки ЧСР;
- изъятие материалов антиправительственной «враждебной» направленности.

Приемы и методы оперативно-розыскной деятельности по перехвату и перлюстрации писем были разнообразными. Завладеть чужой корреспонденцией можно было:

- у отправителя (кража посредством контактеров или профессионалов, грубое разбойное нападение, изымание почты из ящика при оперативном визуальном наблюдении за объектом, разнотипные изъятия в почтовом отделении...);
- в пути (перехват либо подкуп курьера, силовой захват или угон почтовой машины...);
- у получателя (в местном отделении связи, путем подкупа почтальона, из почтового ящика, в ходе его постоянного просматривания в доме у адресата, через его контактера).

При скрытом извлечении информации из обычных запечатанных писем применялись такие приемы, как:

- мощное просвечивание и фотографирование письма без вскрытия конверта (чтобы читать полученные таким образом копии, необходим некоторый навык, ибо строки выявляются частично перевернутыми и наложенными друг на друга);
- временное (секунд на 30) опрозрачивание конверта при обрызгивании его специальным спреем (РК 705, 1А-4...);
- грубое вскрытие с последующей заменой поврежденного конверта и с фабрикацией имеющихся на оригинале печатей и подписей;
- ловкое вытягивание наверх на костяную спицу письма через маленькую щель в углу конверта;
- осторожное вскрытие и предельно осмотрительное запечатывание послания.

Осторожное вскрытие конвертов издавна осуществляли с помощью изящных костяных инструментов и обычного водяного пара. Для этого на плоскую подогреваемую снизу поверхность клали увлажненную промокательную бумагу, выделяющую при последующем нагреве размягчающий клей пар. Поверх всего этого клали вскрываемое письмо.

Существовал и параллельный вариант, увлажненные полоски промокательной бумаги или поролон возлагались только на заклеенные поверхности, а для создания пара прибегали к помощи обычного утюга или к струе пара, исходящей из носика кипящего чайника.

Если подозревалось, что отправитель использовал невидимые чернила, извлеченное послание тщательно размещали между двумя подвергшимися обработке горячим паром лист-

ками бумаги, и водворяли данный «бутерброд» под пресс, с тем чтобы часть задействованной «химии» перенеслась на копии-подложки, с которыми можно было работать для выявления тайнописи. Оригинал при этом внешне не менялся.

Сняв информацию и скопировав письмо, конверт тщательно запечатывался при помощи мягких ватных тампонов и прозрачного (но не силикатного!) клея.

К этому времени контрразведки ведущих стран мира уже имели определенный набор разновидностей перлюстрации.

1. «Выборочная проверка». После войны она проводилась путем произвольной выборки почтовых отправлений и анализа содержания переписки. В дальнейшем этот вид проверки становится базовым для других видов перлюстрации.

2. «Направленная проверка» корреспонденции также практиковалась сразу после войны. Её целью было обнаружение тайных каналов связи иностранных спецслужб, а также уголовно наказуемые действия, такие, как незаконные валютные операции и контрабанда. Такая проверка организовывалась только в отношении лиц, которые уже находились в оперативной разработке или стояли на оперативном учете по линии госбезопасности или внутренних дел.

3. «Фокусная проверка» явилась дальнейшим развитием «направленной проверки». Основная цель – это контроль секретных каналов связи собственной разведки и контрразведки, проверка надежности действий агентуры при выполнении ими учебных и боевых заданий.

4. «Групповая проверка» проводилась с целью проверки почты зарубежных адресов определенной области, района, города и даже улицы по заданиям собственной службы разведки. Практически такой поиск систематически проводился по заданиям госбезопасности в отношении иностранных посольств и миссий и передавался соответствующему отделу или управлению госбезопасности.

5. «Превентивная проверка» проводилась, по существу, как выборочная. Цель – изъятие почтовых отправлений, которые своим видом или содержанием носили явно антисоциалистический или антиобщественный характер. Кроме того, целью «превентивной проверки» был контроль разглашения государственной и военной тайны.

В 1950-е годы многие виды «проверок» делались одновременно. Так, например, сотрудник службы перлюстрации ЧСР выбирал из почтовой корреспонденции определенного государства или области по различным критериям такое количество почтовых отправлений, которое он способен был сам проверить.

Полученную информацию из-за её большого количества иногда было невозможно полностью проанализировать, поэтому в 1960-е годы была введена «комплексная проверка», заключающаяся в охвате максимального количества почтовых отправлений, их химической проверке, графической экспертизе и подготовке доказательной документации для предъявления на следствии или в суде.

Из-за необходимости большого количества персонала «комплексная проверка» была ограничена только почтовыми каналами связи на крупнейшие страны Западной Европы, такими, как ФРГ, Франция и Великобритания. Позднее «комплексную проверку» стали называть методом «административно-технического отбора».

В послевоенный период посты или пункты перлюстрации специальных служб стран Варшавского договора имели в своем составе ряд подразделений:

1. Отдел слежения, который отбирал почтовые отправления конкретных отправителей и получателей, а также письма, посланные или адресованные в определенную область. В этот отдел передавались все почтовые отправления из соответствующего почтового отделения, и только здесь они разбирались в соответствии с инструкциями и указаниями собственной разведки и контрразведки.

2. Отдел целевой проверки анализировал отобранные почтовые отправления в соответствии с требованиями и указаниями собственной разведки и контрразведки для поиска признаков тайнописи, секретной переписки или уголовно наказуемых действий.

3. Отдел поиска занимался выявлением признаков тайнописи в отобранных письмах из определенной области или региона.

4. Технический отдел осуществлял поиск тайнописных сообщений с помощью специальных методов. Отдел был укомплектован профессиональной фотоаппаратурой для документирования почтовых отправлений. Кроме того, технический отдел занимался вскрытием особо важных писем и посылок.

Технический отдел мог состоять из отделения химического контроля, отделения графической экспертизы для разбора рукописных и машинописных текстов, фототехнического отделения, а также специального отделения вскрытия и запечатывания почтовых отправлений.

В годы «холодной войны» одной из наиболее важных считалась химическая проверка, которая позволяла обнаружить тайнописные сообщения, невидимые невооруженным глазом. Для прочтения тайнописи применялись как простые, так и весьма сложные химические и физические процессы.

Задача химической проверки была не только обнаружить, проявить и прочесть тайнописное сообщение, но также и предложить новые химические и физические процессы тайнописи для нужд госбезопасности. Кроме того, сотрудники отделения химической проверки должны были собирать сведения о методах тайнописи западных спецслужб.

Появление интернета существенно прибавило заботы спецслужбам и заставил создавать особые подразделения «электронной перлюстрации». Но классическая перлюстрация еще жива, поскольку поток внутренней и международной почты не уменьшился. Особенно важным является направление борьбы с терроризмом, и мы пожелаем удачи сотрудникам госбезопасности в поиске и выявлении каналов связи этого самого большого зла современного мира.

1.7. Перлюстрация в США

Объемы почтовой службы в военный период позволяли просматривать все почтовые отправления, однако внимание уделялось подозрительным или проверяемым персонам, группам лиц или людей, опасным для государства. Специальная техника и особые приспособления позволяли открывать конверты без их повреждения.

В первой половине XX века использовались 3 наиболее известные технологии вскрытия конвертов: открывание над паром, сухое открывание (отделение клеевого слоя) и влажное вскрытие с использованием воды. Крайне осторожно надо было обращаться с клапанами конвертов и с печатями.

Джордж Уиллис, эксперт разведки США по тайному вскрытию почты, показывает на фотографии пример извлечения письма из конверта с помощью своих инструментов. Уиллис был автором универсального набора для перлюстрации, названного «Клапаны и печати», который располагался в обыкновенном портфеле.

Внутри находилась вся необходимая техника для вскрытия конвертов и упаковок, а также для отделения (отклеивания) печатей. Основой набора было специальное нагревающееся основание для расклеивания клапанов конвертов в сочетании с увлажнением и с промокательной бумагой.

В то время немецкие шпионы очень часто использовали для своей тайной переписки микроточки – микрофотографии секретных документов и другой важной информации, которые незаметно приклеивались на стандартных почтовых бланках, открытках и конвертах, после чего отправлялись адресату обычной почтовой связью.

Американская цензура лишь в августе 1941 года, благодаря только агентурным данным, нашла первую микроточку, находившуюся на телеграфном бланке и замаскированную под знак препинания машинописного шрифта. Когда агенты ФБР с помощью небольшого микроскопа ознакомились с находкой, один из контрразведчиков воскликнул: «Поразительно! С этим я сам поеду в Вашингтон к Гуверу. Уверен, его это позабавит...»

Но на этом история не закончилась. Микроточка содержала не только данные о ходе военного производства и снабжения Великобритании, но и опросник, посвященный системе обороны американской военно-морской базы в Пёрл-Харборе, с нападения на которую для США началась война.

С учётом того, что этот опросник был составлен ведущим немецким экспертом из Японии бароном Гронау, информация принимала зловещий оттенок. По-видимому, директор ФБР Джон Эдгар Гувер не доложил Президенту США Франклину Рузвельту полное содержание обнаруженной микроточки.

В 1945 году, в самом конце войны, португальская полиция блокировала немецкое посольство в Лиссабоне и арестовало всё оперативно-техническое оборудование абверовской резидентуры, самой активной на Пиренеях. Американские спецслужбы проявили к этому большой интерес, поскольку планировали создать свою службу перлюстрации и поиска микроточек. Они справедливо полагали, что немецкие агенты, оставленные в США, будут пользоваться микроточками в качестве секретной связи.

В 1952 году ЦРУ начало операцию по контролю почтовой корреспонденции с кодовым наименованием «SRPOINTER», или «SGPOINTER». В рамках операции изучались все письма, которые приходили из СССР в США и обратно. Сначала оперативники ЦРУ только копировали все адреса на конвертах, а потом письма стали вскрываться в специальных центрах в Лос-Анжелесе и Нью-Йорке.

При этом контроль осуществлялся, прежде всего, за американскими гражданами и организациями, которые переписывались с Советским Союзом. Например, вскрывалась корреспонден-

денция таких известных в США людей, как Мартин Лютер Кинг, Джон Стэйнбек и Хуберт Хэмфри (вице-президент США при Линдоне Джонсоне).

При этом перлюстрация почты была в США уголовно наказуемым деянием. Тем не менее, когда в июле 1952 года ЦРУ предложило почтовой службе США совместно заняться этим делом, там особо не возражали. Поставили лишь одно условие – вскрытие корреспонденции должно осуществляться «по минимальной необходимости». Естественно, что юридически эту самую необходимость точно никто не определил.

С февраля 1953 года операция «SRPOINTER» перешла из пробной фазы в полномасштабную. На всякий случай в самом ЦРУ этот «проект» формально не утвердили на уровне руководства, чтобы в случае разоблачения можно было откреститься от этой сомнительной затеи. Ничего не знал о перлюстрации и Президент США Эйзенхауэр.

В 1955 году операция стала называться «HTLINGUAL», или «HGLINGUAL», и была предназначена не только для СССР, но и Китая. В целом, ЦРУ занималось перлюстрацией как минимум до 1973 года.

Операция преследовала заявленную цель получения внешней разведки, но ориентирована и на отечественных миротворцев, и на гражданских активистов. Почта и от известных людей, таких как Белла Абзуг, Бобби Фишер, Линус Полинг и Эдвард Альби также вскрывалась в ходе операции.

В открытом отчете о ее программе массовой слежки Почтовая служба США сообщила, что в 2014 году она одобрила примерно 50 тысяч запросов от правоохранительных органов и ее собственного внутреннего отдела проверки для получения разрешения на секретную слежку за корреспонденцией американцев в рамках уголовных расследований, а также следственных действий, касающихся национальной безопасности.

Количество запросов, указанное в этом отчете по результатам проверки главным инспектором Почтовой службы программы слежки, показало, что программа имеет куда более широкие масштабы, чем те, о которых было известно ранее, и что существующий уровень защиты прав американцев от возможных злоупотреблений в сфере контроля за ними неэффективен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.